

Стремясь к вящей научной беспристрастности, Боборыкин намеренно ограничил рамки своего исследования 60-ми годами: «... эпоха 60-х годов, пережитая всем, что в России было мыслящего и способного к деятельности, принесла с собою такое движение общественных идей и запросов, что художественное творчество и критика изящной литературы вступили тогда как бы в новую фазу. И мне, как писателю, выступившему на литературное поприще к этому времени, было бы вдобавок довольно трудно относиться в строго объективном тоне ко многому, что я должен был сам лично переживать. Предыдущий же период развития русского романа стоит уже для меня на известном отдалении — дает необходимую перспективу» («Роман на Западе...», с. X).

Впрочем, в ряде случаев автор использует и материал куда более позднего, чем 60-е годы, происхождения, тем более что исследование судеб романа строится не по хронологическому, как обычно, а по системному, или, прибегая к выражению Боборыкина, «синтетическому» принципу. Автор отказывается как от временной последовательности в изложении материала, так и от обстоятельных очерков творчества ведущих мастеров жанра, заявляя, что для него «эволюция романа знаменуют собой вехи, какие были вбиваемы отдельными продуктами единичной и собирательной человеческой психии... И если я, по необходимости, говорю о том или ином крупном романисте, то я всегда имею, главным образом, в виду фазу развития романа, которая была связана с творческой инициативой этого писателя» («Роман на Западе...», с. XVIII).

Исходя из этих соображений, а также руководствуясь перенятым у Эннекена и своеобразно понятым «эсто-психологическим принципом»⁷, автор разбивает свои книги на ряд монографических глав: «Художественно-литературная критика в XIX столетии», «Читающая публика», «Жизнь и творчество», «Содержание романа в его развитии», «Эволюция приемов мастерства», «Межлитературные влияния», «Главные вехи романа»⁸.

Задавая еще в статье «Методы изучения романа» вопрос будущим историкам романа: «желаете ли вы быть исследователем эстетической области души человеческой, или только, более или менее переодетым, социологом, если не тенденциозным моралистом, или защитником партийных взглядов политического и социального оттенка, одним из представителей антинаучного утилитаризма?» (с. 9), Боборыкин решительно избирает для себя позицию «эстетика». Впрочем, по его мнению, «держаться эсто-психологического принципа в изучении области изящного творчества... не значит, однако же, быть противником социологического исследования. Напротив! Социология (как наука и как общий итог культурного движения) представляет собою в данном случае тот грунт, к которому в конце концов все сводится» («Русский роман...», с. 6).

И все же, по твердому убеждению автора, «не только нельзя объяснить эволюцию эстетических потребностей культурно развитого человечества одними лишь экономическими причинами, но нельзя без натяжки сводить их только и к морали, и к социально-политическим стремлениям и упованиям, чем до сих пор страдает и наша критика» («Русский роман...», с. 7).

С точки зрения Боборыкина, занимавшего умеренно-либеральные позиции, «нельзя принимать как фактор в положительном смысле и то обстоятельство, что «беллетристика приобрела у нас значение „кафедры“» (там же, с. 282), ибо истинная художественность несовместима с тенденциозностью любого рода. Причиной же создавшегося положения он скло-

⁷ «Под эсто-психологическим принципом мы разумеем признание необходимости: заниматься продуктами человеческой психии, отвечающими на особую душевную потребность» («Русский роман...»), с. 6. Далее в тексте указываются страницы.

⁸ Корректуря второго тома, хранящаяся в архиве Пушкинского дома, содержит главы «Литературно-художественная критика», «Читающая публика», «Жизнь и творчество», «Эволюция приемов мастерства», «Западные влияния» и начальную часть главы «Личность и судьба писателя».